

М.И. Воловикова
С.В. Тихомирова
А.М. Борисова

Психология и праздник

Маргарита Воловикова

Психология и праздник

«Когито-Центр»

2003

УДК 159.9
ББК 88

Воловикова М. И.

Психология и праздник / М. И. Воловикова — «Когито-Центр»,
2003

В русском языке есть выражение: «для меня это настоящий праздник!». По-грузински праздник: «день чуда». А на английском языке наиболее точно значение этого слова можно выразить как «праздничное настроение» (holiday spirit). В чем сила воздействия праздника на личность? Какое место принадлежит праздникам в истории человечества, в жизни каждого народа, каждого человека? На эти вопросы стараются ответить в своих исследованиях историки, этнологи, этнографы. Однако психологи только начинают осваивать тему праздника. География проведенного авторами исследования особенностей личностных представлений о «настоящем празднике» охватывает не одну только Россию, а в самой России – не только русских. О роли и значении праздника в жизни народа, в жизни конкретной личности и рассказывается в этой книге. Читатель сможет здесь также найти ответы на вопросы: Куда уходит праздник, если его «отменяют»? и – Что значит Новый год для людей, выросших в России? Для психологов, педагогов, этнографов, философов и самой широкой читательской аудитории.

УДК 159.9
ББК 88

© Воловикова М. И., 2003
© Когито-Центр, 2003

Содержание

Вступление	6
Лето Господне	8
Великий пост	13
Пасха	17
Рождество	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

**М.И. Воловикова, С.В.
Тихомирова, А.М. Борисова
Психология и праздник.
Праздник в жизни человека**

© М.И. Воловикова, 2003

© С.В. Тихомирова, 2003

© А.М. Борисова, 2003

© ПЕР СЭ, оригинал-макет, оформление, 2003

Вступление

В русском языке есть выражение, трудно переводимое на некоторые европейские языки: «для меня это настоящий праздник!» Что означают эти слова?

Жизнь человека состоит из праздников и буден. Праздников ждут все. Особенно им радуются дети. Взрослые охотно готовятся к праздникам, вспоминая свое детство. Будни сменяются кратким временем праздника, но в памяти этот миг остается надолго.

В чем сила воздействия праздника на личность? Какое место принадлежит праздникам в истории человечества, в жизни каждого народа? На эти вопросы стараются ответить в своих исследованиях историки, этнологи, этнографы. Однако психологи пока праздника касаются мало. О чем же пойдет речь в книге? Чтобы пояснить это, начнем с предыстории, которая уходит по времени к 20-м годам XX века.

1917 год поделил жизнь людей в России на время *до* и *после* революции. Происшедший переворот по-разному коснулся каждого социального слоя, каждой конкретной личности. Все, что случилось потом в течение следующих лет, замечательный отечественный психолог Сергей Леонидович Рубинштейн назвал «ломкой сложившегося быта, уклада жизни», связав с этим процессом объективные трудности людей, и прежде всего молодежи, в новом обществе [30, с. 351]. Какая психологическая реальность лежит за словами «уклад жизни»? Это ритмы жизненного цикла, в котором пребывали наши предки и которые организовывали их мировоззренческие устои.

Конечно, общество к началу XX века уже не было однородным, но самые крупные вехи общегосударственного ритма существовали. И связаны они были с праздниками. Один недавно выпущенный фундаментальный труд позволяет вспомнить следующее: «В предреволюционные годы в России насчитывалось свыше 30 государственных праздников. Преобладали среди них церковные. Государственными праздниками (табельными днями) были: Пасха (Четверг, Пятница, Суббота Страстной и вся Пасхальная неделя), все великие праздники, за исключением Рождества Иоанна Предтечи (24 июня¹), а также дни св. Николая Чудотворца (6 мая), перенесения мощей святого князя Александра Невского (30 августа), преставления апостола и евангелиста Иоанна Богослова (26 сентября) и празднования Казанской иконе Божией Матери (22 октября). *Неприсутственными* (нерабочими) днями были также Пятница и Суббота масленичной недели. Из гражданских праздников в ранг государственных были возведены лишь январский Новый год и так называемые царские дни – дни восшествия на престол и коронации» [31, с. 584–585]. «Государственный праздник» означает, что граждане государства одновременно в указанные дни освобождаются от необходимости трудиться и все вместе вспоминают определенное событие, которому посвящен данный праздник. Как видно из перечня, подавляющее большинство общегосударственных праздников были христианскими. Это естественно: Россия была православной державой.

Огромную роль стали играть праздники и в советской России. Они были направлены на то, чтобы задавать всем гражданам единый ритм, отличный от «дореволюционного». Интересны и пока практически не исследованы в психологии внутренние причины устойчивости прежних ритмов. Недолго продержалась «пятидневка», и «отмененное» было *воскресенье* вернулось, завершая каждую неделю. С испытаниями, преодолевая жесткие *запретительные меры*, вернулась в жизнь взрослых и детей наряженная елка (правда, ставшая для большинства «новогодней», а не «Рождественской», как было прежде).

¹ Здесь и далее даты даны по старому стилю. Для того чтобы соотнести это с новым календарем, нужно к указанному числу приплюсовать 13 дней.

Интересно, сколько изобретательности и сил направлено было новой властью на замену прежних праздников новыми. Так День рождения Императора Николая II (19 мая по новому стилю) заменил «день рождения пионерской организации». Появились «праздники весны», «русской березки», «урожая», приблизившиеся по своим срокам к Пасхе, Троице, Успению и Покрову...

Итак, с одной стороны, есть работы историков, этнологов, составивших описания праздничных ритмов, которым следовало население нашей страны, и их динамики на протяжении, по крайней мере, последних двух сотен лет [14, 15, 22, 24, 31, 48 и др.]. С другой стороны, вопрос о том, *что* эти изменения вносили и вносят в жизнь каждой конкретной личности, пока специально не ставился. Здесь и начинается тема, предложенная в настоящей книге: *психология и праздник*.

В нашем рассказе по этой теме мы постараемся постепенно обозначить ее границы, обсудить методы исследования и поделиться полученными результатами. *География* собранных нами данных охватывает не одну только Россию, а в самой России – не только русских. «Революционная ломка» жизненных устоев внесла свои коррективы в судьбу и бурят, и калмыков, и «русских немцев», и народов Кавказского региона... О них также пойдет рассказ в этой книге. Будет проведено сравнение с тем, что под *праздником* понимают в Старом и Новом Свете: поможет в этом Интернет.

Главные *методы*, которые мы применяли в исследовании, – это изучение *социальных представлений*, *биографический метод* и то, что мы бы условно определили как *историческая реконструкция*. С последнего мы и начнем рассказ, поскольку он поможет читателю воссоздать картину праздничной жизни страны конца XIX – начала XX веков, то есть в *допереломную* эпоху. Кроме научных книг будут использованы и дневники, и художественные произведения автобиографического характера. Одно из них дало название первой главе книги: «Лето Господне» Ивана Шмелева.

Лето Господне

Из рассказов для Ива о далекой и недоступной в те годы Родине и возникло то, что стало позднее «Летом Господним». Оказалось, что праздники – это и есть Родина

Русский писатель Иван Шмелев с 1923 года находился в эмиграции: во Франции, в Югославии, затем вновь во Франции. Там он и написал «Лето Господне» (1927–1944 гг.). Читатели в России увидели это произведение только в конце 80-х годов². С тех пор книга выдержала несколько переизданий, но интерес к ней остается стойким. Основанная на детских воспоминаниях самого автора, она воспроизводит годичный³ праздничный цикл в России и то, какой душевный настрой нес каждый из праздников, как он организовывал жизнь семьи, отношения людей и даже хозяйственную жизнь Москвы конца 70-х годов XIX века. Это было время, когда в районе современного Крымского моста в Москве-реке полоскали белье и ловили пескарей⁴, на Якиманке утром можно было услышать, как играет на рожке пастух, собирая стадо, а на Кузнецком мосту коровы мешали проходить нарядным горожанам...

«Ты хочешь, милый мальчик, чтобы я рассказал тебе про наше Рождество. Ну что же... Не поймешь чего – подскажет сердце. Как будто я такой как ты. Снежок ты знаешь? Здесь он – редко, выпадет – и стоял. А у нас повалит, свету, бывало, не видать дня три!.. Тихо у нас зимой и глухо. Несутся санки, а не слышно. Только в мороз визжат полозья...» *Милый мальчик*, к которому обращается писатель, это племянник Ивана Шмелева Ив – наполовину русский, наполовину француз. Из рассказов Иву о далекой и недоступной в те годы Родине и возникло то, что стало позднее «Летом Господним». Оказалось, что праздники – это и есть Родина. Но выяснилось это не сразу, а некоторое время спустя после того, как писатель покинул Россию.

² Одной из первых отечественных публикаций, видимо, является издание 1988 года: Иван Шмелев. Лето Господне. Праздники. Радости. Скорби. М., «Советская Россия».

³ «Лето» по-славянски означает «год».

⁴ «Река – раздолье, вольной водицей пахнет, и рыбкой пахнет, и смолой от лодок, и белым песочком, москворецким. Налево – веселая даль, зеленая – Нескучный, Воробьевка. Москва-река вся горит на солнце, колко глазам от ряби, зажмуришься... – и нюхаешь и дышишь всеми-то струйками: и желтиками, и травкой, и свербишкой со щавельком, и мокрыми плотами-смолкой, и бельецом, и согрившимся бережком-песочком, и лодками... – всем раздольем» [50, с. 403].

В.Д. Поленов. Московский дворик. 1878.

Оставив в голодном и холодном Крыму могилу сына, расстрелянного без суда и следствия в одном из чекистских подвалов⁵, в 1923 году Иван Шмелев оказался во Франции. Здесь, больной и надломленный, писатель испытал тяжелейшие приступы ностальгии. Он напряженно вслушивался в звуки, всматривался в краски, которые напоминали бы о Родине: «Ищу чего-то. Земля – чужая, небо... – и оно другое. Или мои глаза – другие?... Из глубины душевной, где тени прошлого, я вызываю мое небо. Светлое, голубоватое, как полог над моей кроватью, всегда в сиянье. Белых ли голубей в нем крылья, кресты ли колоколен в блеске... или это снежок сквозистый, облачка?... Оно вливается потоком в окна, крепким, свежим, все заливают *новым*, даже глухие сени, где еще хмурый холодок зимы, где еще пахнет звездными ночами, мерзлым треском. Мое родное, мое живое небо...» (Париж, 1924 год [51, с. 12]). В какой-то момент мозаика отдельных запахов, звуков и цвета объединяется в единой песне, сопровождавшей всегда праздничный крестный ход, когда на улицы древней русской столицы выливались людские потоки из всех московских церквей: «Я вслушиваюсь в себя. Поют?... Сосны поют. В гуле вершинных игл слышится мне живое: поток и рокот. Этот великий рокот, святой поток – меня захватили с детства. И до сегодня я с ними, в них. С радостными цветами и крестами, с соборным пением и колокольным гулом, с живою душой народа. Слышу его от детства – надземный рокот Крестного Хода русского, шорох знамен священных» (Ланды, 1925 год [там же, с. 19]).

Праздник оживает в памяти и с такими достоверными в своей простоте и конкретности воспоминаниями, которые могут принадлежать только времени детства: «Свежий запах –

⁵ Писатель создал потрясающее душу свидетельство об этих годах в книге «Солнце мертвых» [52].

будто сырой бумагой, шуршанье серенького платяня няни. Праздничное, еще не мытое, оно трет щеки. Воздух со двора чудесный, свежий, перезвон веселый. Полог моей кровати дрожит, отходит, и голубое небо смотрит в блеске. И в нем – яичко, на золотом колечке, на красной ленточке, живое!...» [там же, с. 12]. Пасха! О пасхальном яичке из детства напомнили писателю шоколадные яйца парижских витрин. Но когда создавалось «Лето Господне», книга началась с периода, всегда предшествующего настоящему празднику – *времени подготовки к нему*. Подготовительное время перед Пасхой – Великий пост...

В других главах мы расскажем о том, какие воспоминания о празднике сохраняются в памяти наших современников – как детей, так и взрослых, к какому времени их жизни относятся эти воспоминания, с какими настроениями, событиями, угощениями или подарками связаны их *представления о празднике*. Однако свидетельство, которое оставил Иван Шмелев в «Лете Господнем», отличает такая полнота, без которой, как мы считаем, в наше время было бы трудно и поднять саму тему значения праздника в жизни человека.

Великий пост

«Сегодня у нас Чистый Понедельник, и все у нас в доме чистят» [50, с.256]. Два годовых круга проходит автор в своих воспоминаниях. Начинаются они со времени Великого поста. Подсчитать возраст, к которому относятся воспоминания, просто. На следующем годовом круге (другой период от Великого поста до масленицы) мальчик впервые пошел к исповеди, то есть ему исполнилось тогда семь лет. Значит, в начале повествования ему шесть лет. Воспоминания отчетливые и яркие. Множество подробностей и деталей – запахов, цвета, оттенков настроения – свидетельствуют о правдивости воспоминаний.

Обращение к книге позволяет увидеть реконструкцию внутреннего мира шести-семи-летнего ребенка. Возможно, кроме явной художественной одаренности рассказчика свою роль сыграло и глубокое трагическое переживание, перенесенное в семилетнем возрасте. У Вани Шмелева погибает отец – молодой, горячо любимый. Мальчик испытывает потрясение. Картина похорон отца заканчивает книгу. Лето Господне – это годовое кольцо, вершинами и главными событиями которого являются праздники.

«В передней, перед красноватой иконой Распятия, очень старой, от покойной бабушки, которая ходила по старой вере, зажгли «постную», голубого стекла, лампадку, и теперь она будет негасимо гореть до Пасхи. Когда зажигает отец, – по субботам он сам зажигает все лампадки, – всегда напевает приятно-грустно: «Кресту Твоему поклоняемся, Владыко», и я напеваю за ним, чудесное:

*И свято-е... Во-оскресение Твое
Сла-а-вим!*

Радостное до слез бьется в моей душе и светит от этих слов. И видится мне, за вереницею дней Поста, – Святое Воскресенье, в светах. Радостная молитвочка! Она ласковым светом светит в эти грустные дни Поста» [50, с. 258] Но картинки, которые рисует память из детства, не печальны. Они просто наполнены *другим* ритмом, отличным от всякого иного времени года. Ритм поддерживается и особым переоблачением дома (убрали нарядные занавески, ковры), тщательной уборкой, цветом, запахом (выкуривают запахи прошедшей масленицы), звуком. «В доме открыты форточки, и слышен плачущий и зовущий благовест – по-мни... по-мни... Это жалостный колокол по грешной душе плачет. Называется – постный благовест. Шторы с окон убрали, и будет теперь по-бедному, до самой Пасхи. В гостиной надеты старые чехлы на мебель, лампы завязаны в коконы, и даже единственная картина – «Красавица на пиру» – закрыта простынею» [там же, с. 258]. Такие замечательные подробности! Видно, что шестилетний ребенок особенно внимателен к мелочам, а великопостная подготовка вся наполнена как раз важными мелочами: «Все домашние очень строги, и в затрапезных платьях с заплатками, и мне велели надеть курточку с продранными локтями. Ковры убрали; можно теперь ловко кататься по паркетам, но только страшно. Великий пост: раскатишься – и сломаешь ногу» [там же, с.259]. Даже детей касался запрет на игры, а ведь игры – одна из важнейших составляющих общего ритма жизни.

Сразу отметим, что предписания вести себя Великим постом особым, отличным от другого времени года, образом – тише, скромнее – сохранились вплоть до середины XX века, особенно в деревнях. Так корреспондент из Новгородской области рассказывал, что на время Великого поста у них на гумне убрали качели и был запрет на игры [15]. Запрет служил именно поддержанию *иного ритма*, отличного от других годовых ритмов, а потому сохранялся дольше, чем другие составляющие времени подготовки к празднику. Уж и в церковь (если ее еще не успели снести) мало кто доходил, а свадьбу на Великий пост никто не соглашался

назначать («не к добру это» – свидетельство нашего корреспондента из Подмосковья, 70-е годы XX века).

И в картине, нарисованной в «Лете Господнем», нет тоски или какого-то протеста ребенка против наступивших ограничений. В иной ритм включаются все окружающие: домо-чадцы, знакомые и незнакомые люди. Это ритмы, которыми живет *вся держава*. Не принято торговать мясом, заходить в колбасные – они и закрыты. Над городом веет запах грибной солянки. Даже рыбу и икру никто не покупает: каждому известно, что Великим постом рыбу можно есть только на Благовещение и Вербное воскресенье, а на Лазареву субботу – икру. Ребенок легко впитывает общие для всех правила. Проблемы для него могут начинаться лишь при разноречии. *Единый ритм* — это как раз то, что нужно для спокойного и гармоничного формирования душевной организации подрастающего человека. Да и не так трудны для него ограничения: «Зачем скоромное, которое губит душу, если и без того все вкусно? Будут варить компот, делать картофельные котлеты с черносливом и шепталой, горох, маковый хлеб с красивыми завитушками из сахарного мака, розовые баранки, «кресты» на Крестопоклонной... мороженая клюква с сахаром, заливные орехи, засахаренный миндаль, горох моченый, бублики и сайки...» [50, с. 259]. Здесь мы обрываем описание кулинарного богатства прежней России, но вновь вернемся к нему, когда перейдем к картинам праздников. Это ведь тоже элементы отечественной культуры, во многом забытые.

Ритм задается колокольным звоном. В Москве колокольный звон начинал колокол Ивана Великого, а следом все «сорок сороков» наполняли город гулом – в каждое время своим:

«Благовест, к стоянию⁶ торопиться надо, – прислушивается Горкин, – в Кремлю уда-рили?..

Я слышу благовест, слабый и постный.

– Под горкой, у Константина-Елены. Колоколишко у них старенький... ишь как плачет!

<...> От Кремля благовест, вперевод, – другие колокола вступают. И с розоватой церкви, с мелкими главками на тонких шейках, у храма Христа Спасителя, и по реке, подальше, где Малюта Скуратов жил, от Замоскворечья, – благовест: все зовут. Я оглядываюсь на Кремль: золотится Иван Великий, внизу темнее, и глухой – не его ли колокол томительно позывает – помни...<...> Помню» [там же, с. 283].

На этом тихом, как бы приглушенном фоне только ярче высвечиваются и запоминаются ребенком важные вехи-события времени подготовки к Празднику Воскресения, наполненные своими знаками-обозначениями, родственными детскому восприятию мира. На Крестопоклонной неделе – домашнее печенье – кресты: «где лежат попереченки «креста» – вдавлены малинки из варенья, будто гвоздочками прибито. Так спокон веку выпекали, еще до прабабушки Устины, – в утешение для поста» [там же, с.491]. Пушистые вербочки – первые цветы холодной русской природы – на Вербное воскресенье; крашение пасхальных яиц, готовка куличей и пасхи в Великий Четверг; Четверговая свеча – «Я несу от Евангелий⁷ смотрю на мерцающий огонек: он святой. Тихая ночь, но я очень боюсь: погаснет! Донесу – доживу до будущего года. Старая кухарка рада, что я донес. Она вымывает руки, берет святой огонек, зажигает свою лампадку, и мы идем выжигать кресты. Выжигаем над дверью кухни, потом на погребнице, в коровнике...» [там же, с. 297]. Это и принятое Постом говение взрослых: «Все на нашем дворе говеют. На первой неделе отговелся Горкин, скорняк со скорничихой и Трифоныч с Федосьей

⁶ В первые четыре дня Великого поста в церкви читается Великий Покаянный канон Андрея Критского. Затем в один из дней пятой недели он прочитывается полностью, и эта служба называется «стояние Марии Египетской». Видимо, от этого «стояния» Горкин – старенький столяр, добрый и сам ясный как ребенок – называет все службы с чтением Великого Покаянного канона «стоянием».

⁷ В Великий Четверг в церкви читают «12 Евангелий», двенадцать отрывков из Евангелия, где говорится о распятии Христа. Во время чтения все в церкви зажигают свечи. После службы свечу относят домой, стараясь не потушить ее. Еще в начале 90-х годов XX века мы могли наблюдать в одном крупном казацком поселении, как по улочкам шли люди со светящимися в темноте сумками или сосудами, в которых находилась Четверговая свеча. Это незабываемое по красоте зрелище.

Федоровной. Все спрашивают друг дружку, через улицу окликают даже: «Когда говеете? ... ай поговели уж?...» Говорят весело так, от облегчения. «Отговелись, привел Господь». Ато тревожно, от сокрушения: «Да вот, на этой недельке, думаю... Господь привел бы» [там же, с. 502]. А в семь лет – это незабываемое, первое в жизни говение: важная веха в осознании своей «взрослости»: «Я подрост, теперь уж не младенец, аотроча, поговел-исправился, как больши...» [там же, с.519].

Сразу заметим, что говение могло быть связано не только со временем Великого поста, просто тогда оно было практически, обязательным, а в иное время – «по усердию» или в связи с особыми обстоятельствами. В «Войне и мире» графа Льва Николаевича Толстого говенье Наташи Ростовой является важным моментом выхода героини из душевного кризиса. «В конце Петровского поста Аграфена Ивановна Белова, отрадненская соседка Ростовых, приехала в Москву поклониться московским угодникам. Она предложила Наташе говеть, и Наташа с радостью ухватилась за эту мысль. Несмотря на запрещение докторов выходить рано утром, Наташа настояла на том, чтобы говеть, и говеть не так, как говели в доме Ростовых обыкновенно, то есть отслушать на дому три службы, а чтобы говеть так, как говела Аграфена Ивановна, то есть всю неделю, не пропуская ни одной вечерни, обедни или заутрени» (40, т. III, с. 63). На время говения человек как бы исключался из привычных ритмов и, в идеале, полностью погружался в ритмы церковные, где совершаются события мира иного, «горнего», существующие *всегда*, то есть в вечности. Помогает этому и чистота, и пост, и ранние вставания, и напряженная работа со своей совестью, исповедь и венец, результат говения – причащение. Исповедь не обсуждалась, о ней настолько не принято было рассказывать (это – «тайна»), что Толстой даже не упомянул, в чем каялась Наташа во время исповеди. Такова была стойкая традиция русской литературы – не говорить о сокровенном.

Но ребенку (даже достигшему возраста «отроча», то есть отроку, подростку) не свойственно молчать и утаивать (ведь и исповеди первых христиан были прилюдными!). В результате мы можем увидеть, как проходила исповедь в Казанской церкви на Якиманке Великим Постом 1880 года (Иван Шмелев родился в 1873 году). «Приходим загодя до вечерни, а уж говельщиков много набралось. У левого крылоса стоят ширмочки, и туда ходят по одному со свечкой. <...> Из-за ширмы выходит Зайцев, весь-то красный и крестится. Уходит туда пожарный, крестится быстро-быстро, словно идет на страшное. Я думаю: «И пожаров не боится, а тут боится». Вижу под ширмой огромный его сапог. Потом этот сапог вылезает из-под заслончика, видны ясные гвоздики – опустился, пожалуй, на коленки. И нет сапога: выходит пожарный к нам, бурое лицо его радостное, приятное. Он падает на колени, стучает об пол головой, много раз скоро-скоро, будто торопится, и уходит. Потом выходит из-за заслончика красивая барышня и вытирает глаза платочком – оплакивает грехи?»

К исповеди готовятся загодя: «Все грехи мы с Горкиным перебрали, но страшных-то, слава Богу, не было. Самый, пожалуй, страшный, как я в Чистый Понедельник яичко выпил...». Теперь настала очередь «нести грехи» на исповедь. «Ну, иди с Господом...», – шепчет Горкин и чуть подталкивает, а у меня ноги не идут, и опять все грехи забыл. Он ведет меня за руку и шепчет: «Иди, голубок, покайся». А я ничего не вижу, глаза застлало. Он вытирает мне глаза пальцем, и я вижу за ширмами аналой и о. Виктора. Он манит меня и шепчет: «Ну, милый, откройся перед Крестом и Евангелием, как перед Господом, в чем согрешал... не убойся, не утай...». Я плачу, не знаю, что говорить. Он наклоняется и шепчет: «Ну, папашеньку-мамашеньку не слушался...» А я только про лапку помню.

– Ну, что еще... не слушался... надо слушаться... Что, какую лапку!..

Я едва вышептываю сквозь слезы:

– Гусиная лапка., ту... синую лапку... позавидовал...

Он начинает допрашивать, что за лапка, ласково так выпрашивает, и я ему открываю все. Он гладит меня по головке и вздыхает:

– Так, умник... не утаил... и душе легче. Ну еще что?...

Мне легко, и я говорю про все: и про лопату, и про яичко, и даже как осуждал о. протодиакона. <...> Батюшка читает мне наставление, что завидовать и осуждать большой грех, особенно старших.

– Ишь ты, какой заметливый... – и хвалит за «рачение» о душе. <...> Накрывает меня епитрахилью и крестит голову. И я радостно слышу: «... прощаю и разрешаю». Выхожу из-за ширмочки, и все на меня глядят, – очень долго я был. Может быть, думают, какой я великий грешник. А на душе так легко-легко» [50, с. 506–508].

Страстная неделя – особое время, каждый день которой настолько значителен, что его даже принято писать с заглавной буквы: Великий Понедельник, Великий Вторник...

Великая Пятница – время Распятия Христа. Днем происходит служба перед Плащаницей (иконой положения во гроб), и звучат погребальные звуки колокола. «Ударяют печально, к Плащанице. Путается во мне и грусть, и радость: Спаситель сейчас умрет... и веселые стаканчики⁸, и миндаль в кармашке, и яйца красить... и запахи ванили и ветчины, которую нынче запекли, и грустная молитва, которую напевает Горкин, – «Иуда нече-сти-и-вый... сирибром помрачи-и-ися» [там же, с.298].

Что означало все для души ребенка – эта одновременность противоположного? Так он обучался не бояться смерти: «Ночь. Смотрю на образ, и все во мне связывается с Христом: иллюминация, свечки, вертящиеся яички, молитвы, Ганька, старичок Горкин, который, пожалуй, умрет скоро... Но он воскреснет! И я когда-то умру, и все. И потом встретимся все... и Васька, который умер зимой от скарлатины, и сапожник Зола, певший с мальчишками про волхвов, все мы встретимся *там*. И Горкин будет вырезать винограды на пасочках, но какой-то другой, светлый, как беленькие души, которые я видел в поминаньи. Стоит Плащаница, в церкви, одна⁹, горят лампы. Он теперь сошел в ад и всех выводит из огненной геенны» [там же, с. 300].

⁸ В стаканчиках готовили фейерверк. В полночь на Пасху церкви озарялись иллюминацией. Над Москвой был салют.

⁹ Время, которые здесь описывается, – ночь накануне Великой Субботы.

Пасха

У каждого праздника свой ритм, свой оттенок. Пасха – Воскресение Христа – средоточие всех ритмов, всех красок. Ритмы Пасхи похожи на внезапный прорыв ликующей радости из мира иного. Эта радость такой силы, что не будь всей предшествующей празднику подготовки, человеку ее трудно вместить.

Пасха в России всегда была самым любимым праздником¹⁰. Пасхальные ритмы во многом определили черты русского характера в том виде, как он складывался веками: такое его качество как потребность в громогласной открытости миру в радости – «звонить на всю Ивановскую». «За окнами перезвон веселый, ликует Пасха. Трезвонят у Казанской, у Ивана Воина, дальше где-то... – тоненький такой звон. Теперь уж по всей Москве, всех пускают звонить на колокольни, такой обычай – в Пасху поликовать. Василь Василии все вчера руки отмотал, звонивши, к вечеру заслабел, свалился» [там же, с. 520]. В русском языке существует выражение «пасхальная радость». Наши предки знали, чувствовали, что оно означает.

Время праздника не уходит сразу. Пасха – это вся неделя – *Святая неделя*. «В субботу на Святой монахини из Страстного монастыря привозят в бархатной сумочке небольшой пакетик: в белой писчей бумаге, запечатанный красным сургучом, – ломтик святого Артоса. Его вкушают в болезни и получают облегчение. Артос хранится у нас в киоте, со святой водой, с крещенскими и венчальными свечами. После светлой обедни, с последним пасхальным крестным ходом, трезвон кончается – до будущего года. Иду ко всенощной и вижу с грустью, что Царские Врата закрыты. «Христос Воскресе» еще поют, светится еще в сердце радость, но Пасха уже прошла: Царские Врата закрылись¹¹» [там же, с. 528].

Ныне праздник Пасхи в такой глубине, красочности оттенков и протяженности во времени (и вне всякого времени) мало кому знаком. То, что это забвение произошло не без воздействия причин, внешних празднику, очевидно. В советское время Пасху «отмечать» запрещали почти всем, кроме «несознательных старушек». Даже обнаружение крашенных пасхальных яиц могло стоить партбилета либо «запрета на профессию» (например, учителя или «идеологического работника»). Не говоря уже о невозможности проникнуть через ряды милицейского ограждения на Пасхальный крестный ход. Наши корреспонденты сообщают, что даже в середине 80-х годов XX века на Пасхальную службу с ребенком не пропускали (милиционеры ссылались на инструкцию). Откуда же в таком случае взяться детским воспоминаниям о Пасхе?

О том, что причины видимого ослабления присутствия праздника в сознании и опыте людей – внешние, косвенно свидетельствует и тот факт, что, например, в Болгарии Пасха (по-болгарски «Велик День») до сих пор самый почитаемый праздник. Правда, получены эти современные данные в болгарской «глубинке» [9].

¹⁰ Отсюда название дня недели – «воскресение»; само слово «неделя» по-славянски и означает этот день, свободный от всех дел («не-делать»). То, что мы ныне называем «неделей», по-славянски – «седмица». Тем самым седмичный недельный круг был закреплен в языке, и попытка замены его в 30-е годы XX века на пятидневку (а в 1940 году – на шестнадцатидневку) означала глубинное вмешательство в жизненные ритмы, в духовную жизнь граждан страны. В Ветхом Завете день покоя в недельном цикле – суббота, день отдыха Творца после завершения творения мира. Отсюда у иудеев суббота является днем, когда не положено работать. У мусульман таким днем является пятница. Таким образом, во всех случаях недельный цикл – семь дней.

¹¹ По церковному уставу Царские Врата, которые оставляют отворенными во всю Светлую седмицу, закрывают перед началом всенощной накануне Фоминой недели, называемой также «красная горка» – время первых, после почти двухмесячного перерыва, венчаний.

Рождество

В советской России были попытки также расправиться и с Рождеством. Но любимейший праздник детей всего крещеного мира устоял. В нашей стране он сохранился, конечно, в измененном, иногда трудно узнаваемом виде. Как показывают наши многолетние исследования, похоже, что именно праздник Нового года вместили в себя не только что-то от праздника Рождества, но стал на время прототипом (образцом) праздника как такового.

Однако хочется увидеть Рождество в «неизмененном» виде. Как переживали рождественские дни, весь период Святков в те времена общих для всех праздничных ритмов? Что особенного, отличного от других, было в ритмах Светлой седмицы? Какое место *тогда* занимал Новый год?

Одна из особенностей восприятия ребенка – способность видеть одну и ту же местность, дом, улицу каждый раз как *иные*, в преломлении времени года, настроения и др. Так «наблюдатель» у Шмелева чаще всего находится, видимо, у одного из окон своего дома в Замоскворечье. А вот напротив этого окна – «Барминихин сад», всякий раз разный. Над этим садом «играет солнце»¹² на Благовещение и на Пасху, восходит Рождественская звезда и разгорается морозное Рождественское утро. «Синеватый рассвет белеет. Снежное кружево деревьев легко, как воздух. Плавает гул церковный, в этом морозном гуле шаром всплывает солнце. Пламенное оно, густое, больше обыкновенного: солнце на Рождество. Выплывает огнем за садом. Сад – в глубоком снегу, светлеет, голубеет. <...> Вот оно, утро Праздника – Рождество. В детстве таким явилось – и осталось» [50, с. 345].

Ритм, который приносит этот праздник, другой – широкий, торжественный. Гул колокола далеко разносится в морозном воздухе. В мороз звук проникает дальше, чем обычно, наполняя «всю вселенную». Ритм Рождества – это ритм могучего, всепроникающего, вселенского торжества: «Христос рождается – славите! Христос с небес – срящите!»¹³ (т. е. «встречайте!»). Это праздник Дня рождения Спасителя.

Празднику предшествует продолжительный, но не такой строгий как Великий, Филипповский¹⁴ пост. Накануне Рождества – сочельник¹⁵: «В сочельник, под Рождество, – бывало, до звезды не ели. Кутью варили из пшеницы, с медом; взвар – из чернослива, груши, шепталы... Ставили под образа, на сено. Почему?... А будто – дар Христу. Ну... будто, Он на сене, в яслях». Слышатся разговорные интонации, – это опять взрослый рассказывает, а ребенок переспрашивает. Рассказывает взрослый Иван Шмелев маленькому племяннику Иву, полуфранцузу, никогда не бывавшему в России. Теперь он может увидеть «русское Рождество» таким, как оно отпечаталось в детской памяти: «Бывало, ждешь звезды, протрешь все стекла. <...> Ноготком протрешь – звезды не видно? Видно! Первая звезда, а вон – другая... Стекла засинелись. <...> И звон услышишь. И будто это звезды – звон-то! Морозный, гулкий, прямо серебро. <...> В Кремле ударят – древний звон, степенный, с глухотцой. А то – тугое серебро, как бархат звонный. И все запело, тысяча церквей играет. <...> Не Пасха, перезвону нет, а стелет звоном, кроет серебром, как пенье, без конца-начала... гул и гул» [там же, с. 340].

¹² «Игранье солнца», т. е. как бы быстрое перемещение, подпрыгивание восходящего солнечного диска – привычное явление, которые многие могут наблюдать ранним утром на Пасху. Иногда «игранье» можно увидеть и в другие дни. Картина такая, будто солнце радуется, переливаясь всеми цветами радуги.

¹³ Ирмос Рождественского канона.

¹⁴ Название поста – от дня апостола Филиппа, предшествующего посту, который начинается 28 ноября по новому стилю. Продолжается Филипповский пост («Филиппки») до 6 января, также по новому стилю. Отсюда следует, что гражданский Новый год по принятому после революции григорианскому календарю пришелся как раз на последние дни поста.

¹⁵ Кроме Рождественского сочельника есть еще и Крещенский сочельник – день накануне праздника Крещения – 18 января по новому стилю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.